

Политико-экономический прогноз. Выпуск 187.

Россия-контрсанкции-лоббисты

Санкции в отношении России и российские контрсанкции в отношении Запада стали основанием для активной лоббистской деятельности, которую можно разделить на два типа.

Первый тип лоббизма связан с продвижением планов расширения контрсанкций. В 2014 году аграрные лоббисты добились большого успеха – запрета ввоза продовольствия из стран Евросоюза. Соответственно, представители других отраслей время от времени стремятся повторить этот успех.

Наиболее яркий пример – проект ограничений на ввоз в Россию импортных лекарств в рамках законопроекта о новых контрсанкциях в ответ на введение санкций против компаний Виктора Вексельберга и Олега Дерипаски. Однако вокруг этого документа развернулась настоящая «битва лоббистов» с разнонаправленными интересами, причем в качестве ключевого аргумента против законопроекта была использована именно фармацевтическая тема как затрагивающая жизненно важные интересы российских граждан (даже наличие аналога зарубежного лекарства часто не является решением проблемы из-за индивидуальных особенностей пациентов и различного качества препаратов). В результате активного обсуждения закон претерпел коренные изменения – из его текста были убраны все упоминания о конкретных отраслях, так что он в конечном варианте приобрел рамочный характер.

Имеют место и примеры более локального лоббирования в этом же направлении.

Так, в апреле руководитель туроператора «Свой ТС» Сергей Войтович в открытом письме в Минкультуры предложил ввести ограничения на бронирование отелей через голландский сервис Booking.com на территории России. После того как Минкульт и Ростуризм заявили, что у них нет полномочий блокировать интернет-ресурс, заместитель руководителя Ростуризма Николай Королев предложил создать отечественный аналог Booking.com.

В ответ пользователи интернета вспомнили аналогичный пример - про государственную поисковую систему «Спутник», которая существует уже несколько лет, но так и не стала конкурентоспособной. В апреле 2017 года число переходов со «Спутника» на другие сайты русскоязычного сегмента интернета, по данным Liveinternet, составило лишь чуть более ста тысяч, против нескольких миллиардов у Google и «Яндекса».

Еще один пример - советник президента по интернету Герман Клименко допустил, что в ответ на ограничения, наложенные властями США на «Лабораторию Касперского», американскую компанию Microsoft могут «попросить покинуть» Россию.

В сентябре 2017 года американское Министерство внутренней безопасности распорядилось, чтобы все государственные учреждения США в течение трех месяцев перестали использовать продукты «Лаборатории Касперского». Власти США полагают, что ее программное обеспечение может быть использовано российскими спецслужбами, чтобы получить доступ к правительственным документам.

В России госорганам сейчас не запрещено закупать решения Microsoft или других зарубежных компаний. Однако органы власти должны закупать в приоритетном порядке продукты, включенные в Единый реестр отечественного программного обеспечения. Таким образом, скорее возможна попытка не запретить Microsoft, а потеснить его на российском рынке.

Второй тип лоббизма связан с обратным процессом – стремлением не допустить принятия контрсанкций и иных ограничений, способных нанести ущерб российским компаниям, действующим на мировых рынках.

Здесь можно вспомнить о том же законе об ответных мерах России на санкции США, который в первоначальном виде затронул интересы многих крупных игроков, включая Роскосмос и Росатом. Однако в публичном пространстве с критикой законопроекта выступила титановая корпорация «ВСМПО-Ависма», фактически контролируемая «Ростехом» Сергея Чемезова. Видимо, наличие у нее столь мощного лоббистского ресурса позволило корпорации выступить открыто, достаточно жестко и, как вскоре выяснилось, успешно.

В заявлении ВСМПО-Ависмы говорилось, что возможные ограничения на поставку титана в США, могут нарушить бизнес-обязательства компании и вытеснить ее с «динамично развивающегося» титанового рынка (компания является монополистом в отечественной титановой отрасли и производит треть всего мирового титана для авиапрома, 70% своей продукции поставляет на мировой рынок). Кроме этого, отмечалось, что «в уральском регионе более 20 тыс. сотрудников окажутся в кризисной ситуации».

Еще один активно обсуждаемый документ – принятый Государственной думой в середине мая в первом чтении законопроект, вводящий наказание до четырех лет лишения свободы за действия или бездействие «в целях исполнения решения иностранного государства». При этом за «умышленное содействие» введению санкций россиян авторы поправок предложили лишать свободы на срок до трех лет.

Бизнес на этот раз консенсусно негативно отнесся к возможности уголовного наказания за неисполнение санкций, так как в этом случае под ударом могли оказаться самые разные сегменты рынка – от крупнейших банков до компаний с иностранным участием либо привлекающих на менеджерские должности зарубежных специалистов. При этом позиция части

представителей бизнеса первоначально сводилась к полному неприятию законопроекта, но затем она эволюционировала в сторону торга. Предпринимательские ассоциации продолжали настаивать на отмене уголовной ответственности для менеджмента компаний, но оказались готовы поддержать такую ответственность за призывы к введению санкций (которая может распространиться на представителей внепарламентской оппозиции). Таким образом, предприниматели стремились показать, что защищают корпоративные интересы и не хотят идентифицироваться с политической оппозицией.

В результате государство пошло навстречу бизнесу. Глава комитета по конституционному законодательству Павел Крашенинников 25 мая заявил, что ко второму чтению в Уголовном кодексе могут оставить лишь наказание за содействие введению санкций, а за их соблюдение ввести административную ответственность. А 28 мая пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что закон об ответственности за санкции «не должен вводить излишних раздражителей или ограничителей инвестиционного климата». Окончательное принятие закона ожидается в конце летней сессии Думы.

Конкуренция лоббистов связана прежде всего со спецификой конкретных бизнес-структур. Те из них, которые ориентированы на внутренний рынок, выступают за фактический переход к протекционистскому курсу в экономике. Те же, кто интегрирован в мировой рынок, настаивают на отказе от жестких мер, ведущих к самоизоляции. Так как санкции в отношении России носят долгосрочный характер, то конкуренция лоббистов будет продолжаться. В тех случаях, когда есть возможность доказать вред контрсанкций для экономики, формируется неформальная коалиция, к которой подключаются чиновники и депутаты – в результате инициативу удается остановить. Мелкий индивидуальный лоббизм за введение контрсанкций не слишком эффективен – примером является история с Booking.com. Но все это не означает, что в случае появления новых раздражителей не может быть принято жестких политических решений, влияющих на судьбы компаний и отраслей.

Экономика

30 мая ОЭСР ухудшила прогноз-2018 для мирового ВВП на 0,1 п.п. до 3,8%. Ожидания-2019 в 3,9% пока оставлены без изменений. По мнению старшего экономиста организации Альваро Сантуш Перейра, темпы, тем не менее, не следует воспринимать слишком оптимистично, поскольку они стали следствием не увеличения производительности труда или структурных перемен, а стимулирующих мер денежно-кредитной политики. По мере ее нормализации ведущие экономики мира переходят к поддержке роста через ослабление налоговой нагрузки (этим пользуются в настоящее время три

четверти стран-членов ОЭСР), правда, ценой усиления рисков финансовой нестабильности.

Эксперты не стали менять прогнозы по США: рост ВВП в 2018-ом на 2,9%, в 2019 году – на 2,8%. Ухудшены ожидания-2018 для еврозоны (на 0,1 п.п. до 2,2%), Германии и Франции (на 0,3 п.п. для каждой до 2,1% и 1,9% соответственно), Италии (на 0,1 п.п. до 1,4%), Японии (на 0,3 п.п. до 1,2%), Канады (на 0,1 п.п. до 2,1%). Понижена оценка для Китая с 6,8% до 6,7%, на 2019 год оставлена неизменной – 6,4%. В то же время, повышены прогнозы для Великобритании (на 0,1 п.п. до 1,4%) и Индии – с 7,2% до 7,4%. Бразилия в 2018-ом притормозит рост до 2,0%, но ускорится до 2,8% в 2019 году. Темп РФ, напротив, снизится (оценка не изменилась) с 1,8% в текущем году до 1,5% в следующем, что в принципе соответствует текущему российскому прогнозному интервалу скорости ВВП-2018 в 1,5-1,8%

Рисков срыва с траектории, однако, меньше не становится. Так, индекс PMI в обрабатывающих отраслях (рассчитывается исследовательской компанией IHS Markit) в мае опустился до 49,8 пункта с 51,3 пункта в апреле. Столь явное охлаждение конъюнктуры зафиксировано впервые с июля 2016 года. Темпы расширения новых заказов оказались минимальными за последние 22 месяца. Респонденты также отметили незначительное увеличение экспортных заказов, ухудшение дисциплины поставщиков и снижение запасов, а также рост закупочных цен (около 7% с начала года) и издержек производства.

Статистика капвложений в первом квартале (опубликована Росстатом 31 мая) на фоне общего роста на 3,6% (год к году с учетом досчета инвестиций малого бизнеса) показала их снижение у крупных и средних компаний на 1,3%. Лидерство в этом тренде удерживают нефте- и газосервисные услуги, транспорт, строительство, энергетика и нефтепереработка. Примечательны структурные сдвиги: доля самофинансирования достигла 62,9%, увеличившись на 4,7 п.п. в сравнении с первым кварталом-2017, удельные веса бюджетных средств и банковских кредитов соответственно сократились – с 10,6% до 9,6% и с 11,7% до 7,9%.

Перспективы инвестирования за счет собственных средств, тем не менее, вызывают вопросы. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убытки) организаций в первом квартале-2018 (без малого бизнеса, банков, страхового сектора и госучреждений) вырос год к году на 4,7% (с 2,416 трлн рублей до 2,531 трлн). Динамика, однако, неустойчива: январь – плюс 24%, февраль – минус 11,5%, март – нулевой прирост. Причем собственно прибыль в январе-марте прибавила 3,6% (год назад – 5,6%), а выборка безубыточных предприятий потеряла 0,7 п.п. (до 65,1%). Рентабельность же (отношение прибыли к обороту) в экономике в среднем находится на четырехлетнем минимуме для этих месяцев – 6,5% (расчеты Центра развития НИУ ВШЭ), повышательная тенденция пока не просматривается.

По мнению финаналитиков склонность бизнеса к инвестированию текущим летом будет продолжать испытывать «давление неопределенностей». По-прежнему неясным остается облик налоговой системы и ее основополагающие правила на следующие шесть лет. По итогам первого квартала-2018 доля нефтегазовых доходов бюджета достигла 45,6% (год назад – 41,8%). Судя по динамике нефтяценов (средняя цена Urals в январе-мае была выше прошлогоднего уровня в сопоставимом периоде на 32,4%, в мае – в 1,52 раза – \$67,91 и \$74,86 за баррель соответственно), углеводородная зависимость усиливается. Это, естественно, актуализирует поиск путей увеличения поступлений не от нефти и газа, как стабильных источников для 8 трлн рублей, необходимых дополнительно для исполнения «майского» указа Президента РФ. Одно из обсуждаемых решений, о чем сообщили СМИ в начале прошлой недели, – повышение НДС с 18% до 20% с возможной отменой льготной ставки в 10%.

По расчетам, реализация такой инициативы способна аккумулировать на шестилетнем треке от четверти до трети требуемого восьмитриллионного объема (остальное дадут эффекты от повышения пенсионного возраста, завершения налогового маневра в «нефтянке» и госзаимствования в бюджетный фонд для развития инфраструктуры). Среди главных аргументов высокая собираемость НДС и его эффективное администрирование (в январе-марте поступления от внутреннего и «импортного» НДС выросли на 0,1 п.п. и 0,2 п.п., составив 954,7 млрд и 505,9 млрд рублей соответственно, или 4,3% и 2,3% ВВП). К тому же, уверены источники в правительстве, такой шаг стал бы наименее болезненным для бизнеса, так как был бы оплачен главным образом конечным потребителем.

Контрдоводы тоже существенны. Одномоментный ценовой подскок может достичь 0,7-1,0 п.п. годовой инфляции. В среднесрочном периоде возможен и выход на 2 п.п. выше текущего уровня в силу постепенности переноса возросших издержек в потребительские цены. Кроме того, по расчетам экспертов, примерно на 1% увеличатся расходы регионов (они платят НДС на большую часть своих закупок) и вообще всех госзаказчиков. Возможностей для налогового стимулирования тех же инвестиций из бюджетов субъектов РФ (в них направляется 17% из 20%-ой ставки по налогу на прибыль) станет меньше. Немаловажен и негативный структурный эффект – от повышения НДС, по мировому опыту, выигрывают добычные отрасли и агросектор, отчасти также химпром, но теряют обрабатывающие, информационные, электроэнергетика и транспорт. В машиностроении, например, налоговая нагрузка может вырасти на 6,8%.

В итоге вклад НДС-новации в искомое общеэкономическое ускорение выглядит сомнительным. К тому же непонятно, сохраняется ли в планах кабмина первоначальная идея «размена» повышения НДС на одновременное снижение ставки страховых взносов. Вызывает вопросы и реальная готовность к отмене льготной ставки: отработка замещающей ее модели

адресной соцподдержки потребует, по словам вице-преьера Татьяны Голиковой, не менее года.

Помимо НДС в «зоне неопределенности» остаются: упорядочение налоговых льгот (с отменой ряда из них); финальное решение по налогу на движимое имущество организаций; фискальное стимулирование инновационных научно-технологических центров при ВУЗах; введение «налога на профессиональный доход» самозанятых; возможность создания консолидированных групп налогоплательщиков (по налогу на прибыль) внутри одного региона и т.д.

Выбор конечного маршрута налоговой настройки обещает быть непростым и займет, по-видимому, все лето. Градус неопределенности повысит и заметное «утяжеление» внешних рисков. Напряженность и нервозность в настроениях участников финансовых рынков поддерживается признаками замедления и десинхронизации глобального роста. При этом явная эскалация международной торговой напряженности усиливает вероятность далеко не лучших сценариев близкого будущего мирового хозяйства. В итоге по сумме обстоятельств мотивации российского бизнеса к усилению деловой активности не выглядят убедительными, в том числе и в связи с дефицитом содержательного наполнения коммуникаций со структурами исполнительной власти.